

УДК 82.091

Московская Д.С.

**О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КРАЕВЕДЕНИИ
В ЭПОХУ КУЛЬТУРНИЧЕСТВА И БОРЬБЫ ЗА НОВЫЙ БЫТ
(Часть 2)**

Аннотация. В статье рассматривается поворотный момент русской пореволюционной истории, когда классовая борьба переходит в область идеологии, когда власть стремится физически уничтожить историческую память, воплощенную в традиционном районировании, местной топонимике, архитектуре. В статье прослеживаются совпадения тематики и проблематики краеведческих исследований того времени и литературных сюжетов и образов А.Платонова, С.Есенина, К.Вагинова, Б.Пильняка и др. В статье показано, что содержание краеведческой работы 1920-х гг., краеведческое мирозерцание, краеведческие ценности проясняют идейную направленность творчества писателей-современников.*

Ключевые слова: хронотоп, культурный ландшафт, культурная революция, традиционная культура, история отечественного краеведения, история России XX века.

IV. Направление главного удара эпохи борьбы за новый быт.

Пришедший к власти в октябре 1917 года большевизм в идеологическом отношении представлял собой небольшую часть европейского марксизма. И, хотя в предреволюционные и пореволюционные годы он сам состоял из различных, соперничавших между собой за руководство партией идейных школ, тем не менее, в отношении стратегических целей он был един: экономическое будущее и прогресс России связывались с успехом пролетарского восстания в Европе. В августе 1917 года ожидалось два переворота: в деревне и в городе, которые пойдут особыми путями вследствие принципиальных различий между крестьянством и пролетариатом, и эти силы затем вступят между собой в конфликт. И снова союзником российского пролетариата

станет его европейский собрат. Вера в грядущую европейскую революцию побуждала руководство страны рассматривать отечественный рабочий класс как один из отрядов международного движения, и интересы мирового революционного движения уже тогда преобладали над интересами «русского отряда». Доктрина мировой пролетарской революции была непререкаемой. В ней крестьянству, этой собственнической группе, которая будет сражаться только ради защиты своей земли, на стадии получения им желаемого доктриной отводилась союзническая роль.

Декрет о земле удовлетворил первичный крестьянский интерес, приведший его к тактическому союзу с рабочими в Октябрьской революции. Земля перешла в руки советского государства, представлявшего (хотя и со значительным ущемлением прав крестьянства) эксплуатируемые и неимущие классы царской России. Однако уставные требования партии большевиков диктовали им ускоренные меры по уничтожению собственнического класса, к которому в марксистской классификации принадлежало крестьянство. В феврале 1919 года Положением о социалистическом землеустройстве было признано, что лучшим, с точки зрения советской власти, является устройство хозяйства на основах социализма. В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда. Предполагалось, что более всех эффективны крупные хозяйства, поэтому Положением было определено, что земельный фонд используется, в первую очередь, для нужд советских хозяйств и коммун, во вторую очередь – для нужд трудовых артелей и товариществ и только в третью – для добывания средств к существованию единоличных землепользователей. Насильственная коллективизация в годы военного коммунизма была следствием такого землеустройства и рассматривалась как форма перехода к немедленной организации крупного социалистического хозяйства. Отчасти эта политика в марте 1919 года вошла в программу РКП на XIII съезде РКП(б).

Опыт гражданской войны и военного коммунизма не только не опроверг теоретические установки доктрины мировой пролетарской революции, но лишь усилил. Именно это время обнаружило животный консерватизм крестьянина, вросшего ногами крови в свои избы (С.Есенин), собственнические инстинкты, его готовность сражаться только возле своего плетня и только за свой курень (М.Шолохов). По мнению Ленина, высказанному им в докладе «Пять лет русской революции и перспективы мировой революции», крестьянские восстания определяли общую картину России до 1922 года. Массовое дезертирство и вступление в отряды «зеленых» превращало людей от земли во врага не менее опасного, чем Белая армия. Требования революционного насилия, жесткой авторитарности и милитаризации, привнесенные в руководство страны наркомвоенмором Л.Б.Троцким, были тогда разделены всей партийной верхушкой. По мысли главного идеолога экономического развития молодого государства Н.И.Бухарина, «революция в России легко победила, потому что пролетариат, стремившийся к коммунизму, был поддержан крестьянством, которое выступило против помещиков. Но это самое крестьянство

оказывается величайшим тормозом в период построения коммунистических производственных отношений» [4, с. 151]. Поэтому пролетарское принуждение во всех формах, начиная от трудовой повинности и кончая расстрелами, этот, как принято считать, самый либеральный к крестьянству политик одобрял, считая методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи: «В переходную эпоху, когда одна производительная структура меняется другой, повивальной бабкой становится революционное насилие. Это революционное насилие должно разрушить оковы развития общества, <...> старое государство и старый тип производственных отношений. Это революционное насилие <...> должно <...> помочь формированию новых производственных отношений, создав новую форму “концентрированного насилия”, государство нового класса, которое действует как рычаг экономического переворота, изменяя экономическую структуру общества. С одной стороны, <...> насилие играет роль разрушающего фактора, с другой – оно является силой сцепления, организации, строительства. Чем больше по <...> величине эта “внеэкономическая сила”, <...> тем меньше издержки переходного периода» [4, с. 138-139].

15 февраля 1921 года Бухарин выступил в «Правде» с редакционной статьей о кризисе в сельском хозяйстве. Десятый съезд партии 8–16 марта 1921 года проходил уже на фоне мятежа в Кронштадте, крестьянского движения в Сибири, казацких восстаний на северном Кавказе и полыхавшей в Тамбовской губернии антоновщины. Политическими требованиями крестьянских союзов были: свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты; созыв Учредительного собрания по всеобщему прямому, тайному и равному голосованию, не предрешая его воли в выборе и установлении политического строя, право избирателей отзываться представителей, не выражающих воли народной.

Завоевания республики висели на волоске, и смена экономической политики должна была разрешить кризис. Однако, объявленный в том же году нэп вовсе не означал изменения политики в области классовой борьбы: она была перенесена в сферу идеологии. По словам Зиновьева, разъяснявшего Коминтерну суть новой экономической политики, нэп не был результатом ослабления коммунистического движения на Западе и отсрочки мировой пролетарской революции, это было следствие тактической мудрости большевиков, выстраданной первым в мире опытом пролетарской революцией в крестьянской стране. Это есть результат борьбы рабочего класса, который сначала пытался пойти слишком быстрыми шагами, но, боясь потерять соприкосновение с громадной массой крестьянства (которая в определенной обстановке решает исход революции), прибег к соответствующим мерам. Сбывалось пророчество Маркса, высказанное им о рабочем классе: ему не предстоит осуществлять каких-либо идеалов. Технократические идеалы мирового пролетариата осуществляли люди от земли: крестьянство должно было признать себя социальным условием (А.Платонов «Усомнившийся Макар») всемирной победы городского пролетариата.

Сколь бы остро в социал-демократической России, в своих революционных достижениях далеко перегнавшей европейских собратьев, ни стоял «крестьянский вопрос», все же он, в глазах партийного руководства, был только производным от основного. Основным же вопросом в ленинизме, «его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть – является вопросом производным» [25, с. 102]. Эта мысль Сталина, высказанная им в разгар нэпа, в 1924 году, не подменяла ленинских идей. Ленин, как теоретик нэпа, подчеркивал, что его введение не может скрыть от крестьянства того, что «мы захватили власть для рабочих и имеем перед собой цель – создать социалистический порядок». Нэп рассматривался им как экономическая подготовка этого порядка «окольными путями», и уступки крестьянской «собственнической» душе компенсировались тем, что командные высоты и экономические рычаги сохранила за собой рабочая советская власть: «мы имеем в своих руках землю <...> мы сдали в аренду лишь известную часть мелкой и средней индустрии. Но все остальное остается в наших руках». По словам крестьянина, прозвучавшим на VIII съезде советов, все обстоит хорошо, только земля-то наша, а хлебушко ваш, вода-то наша, да рыба-то ваша, леса-то наши, да дрова-то ваши...

Решением IX съезда советов крестьянство вместо старой принудительной общины получало право организовывать новое земельное общество как союз добровольных производителей. Легализовались выбор способа землепользования и торговля. Две замеченные Лениным души крестьянина, одна из которых, по определению А.Воронского, – от хозяйчика, жадная, жестокая, тупая, склоняется к капитализму, – другая – от трудового человека, веками угнетавшегося помещиками, близка к социализму, – в годы «окольных путей» требовали, чтобы утихшая классовая битва была перенесена в сферу борьбы за новый быт, в культурничество. Свержение в крестьянстве «частной собственности бога» (Н.Заболоцкий, «Торжество земледелия») стало главным содержанием эпохи нэпа.

Объявленные в статьях, брошюрах, публичных выступлениях Л.Б.Троцкого в июле 1923 года первоочередные задачи «эпохи культурничества» развивали предсмертную ленинскую политическую установку: «раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести <...> переносится на мирную организационную “культурную” работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы <...> не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне, <...> то <...> центр тяжести сводится к культурничеству» [27, с. 16].

Эпоха культурничества должна была вытравить историческую память, живущую в повседневном быту, организовать новое социалистическое общежитие и на первом этапе – заложить его фундамент: новое мирозерцание, новое отношение к природе, к истории и человеческому обществу, наладить новый быт. Именно в быту яснее всего проявилось, что человек является

продуктом истории, диктуемых ею традиционных ценностей, а не их творцом. Троцкий напомнил выражение Маркса: быт, то есть обстановка и обиход жизни, складывается в еще большей мере, чем экономика, «за спиной людей». Он накапливается стихийным опытом людей, изменяется стихийно же под воздействием толчков со стороны техники или попутных толчков со стороны революционной борьбы и в итоге отражает гораздо больше прошлое человеческого общества, чем его настоящее.

Стержнем бытового уклада является религия. Религиозность часто держится не в голове, не в сознании, не в убеждении, а в быту, в обиходе, в обстановке, писал Троцкий. Религия – это исторический опыт поколений униженных и угнетенных, того слоя людей, что были отброшены правящими классами на дно жизни. И хотя описанных Глебом Успенским первобытных «нравов растеряевой улицы» после революции уже не найти, они остались в отношениях между мужем и женой, между родителями и детьми, в самом хозяйстве семьи, отгороженной от всего мира. Религиозное мирозерцание самого униженного, забитого и темного слоя людей было некогда возведено в непререкаемые законы общества. В этом, по Марксу, таилась главная опасность традиционного патриархального мировоззрения: оно было способно возродить старую мерзость в новой форме.

Рассадником «мерзости» было крестьянство. Его бытовые предрассудки воздействовали на душу самого революционного класса – пролетариата, который, по признанию Ленина, был в значительной степени деклассированным, и даже на душу его партийного авангарда. Журнал «Красная новь», наиболее полно в начале двадцатых годов выражавший точку зрения партийного руководства на идеологическую борьбу в литературе, напомнил о месте крестьянского мирозерцания в общественном пореволюционном сознании: «Две стихии слились в русской литературе: пролетарская и крестьянская, мелкобуржуазная. И если первая мыслит, то вторая мечтает и верит. <...> Одни и те же слова звучали по-разному для разных классовых групп. То, что было для одних понятием, для других становилось мистическим символом. И где видел один технически построенную целесообразность, другой великолепное чудо, которое должен выполнить истинный пророк, почему-то названный товарищем Лениным». (В авторской сноске: «Так в одной из восточных окраин никейский символ веры был заменен новым, где партия была одета мистическим сиянием церкви, а Ильич превращен в самого подлинного мессию, от марксизма исходяща, ранена и воскресша во спасение трудящихся». – Д.М.) [24, с. 276-277]. По Троцкому, кто «верит в иные миры, тот не способен всю свою страсть отдать на переустройство этого мира» [29, с. 12-13] – этим лозунгом «крестьянская стихия» лишалась права на «революционность».

«Предрассудки чумазого» (выражение А.В.Воронского) закрепляла церковная обрядность, которая привязывала простонародье к Церкви через посредство трех важнейших «бытовых событий»: рождение, брак, смерть. Рабочее государство освободило сознание народа, законодательно утвердив, что люди, по словам Троцкого, имеют право рождаться, сочетаться и

умирать без магических движений и заклинаний со стороны людей, облаченных в рясы, сутаны и другие формы религиозной прозодежды. Но быт, даже законодательно освобожденный от обрядности, продолжал ее держаться, оказавшись сильнее государственного законодательства.

Гонения на основу крестьянского мирозерцания – религию – были начаты одним из первых Декретов Советской власти об отделении Церкви от государства. Затем последовали изъятия ее земель, церковных ценностей, собственности, храмов, расстрелы епископов, митрополитов, священников, вскрытие мощей и издевательства над святыми останками, массовые аресты и расстрелы, унесшие жизни более 17000 верующих. При поддержке ОГПУ была сформирована обновленческая церковь, главной миссией которой была дискредитация древнего православного обряда: допускался женатый епископат, нарушалось чинопоследование Литургии, отменялась исповедь, уничтожались иконостасы, обновленческое духовенство участвовало в светских дискуссиях, в политической жизни страны. Главным основанием антирелигиозной пропаганды служил тезис Ленина о религии как идеологическом орудии порабощения трудящихся, наиболее консервативной надстройке общества, обладающей колоссальной живучестью в силу своего умения находить нового хозяина, готового оплатить ее услуги. Задача пропаганды состояла в изобличении социальных корней религии. Однако упорство, с каким народ не желал расставаться со своим преданием, показало, что корни обычая живут в самой прочной и независимой ячейке общества – в патриархальной семье.

У автора концепции культурничества были все основания для особо настороженного внимания к институту крестьянской семьи. С введением нэпа в отечественной академической и прикладной (краеведческой) экономической науке появился ряд исследовательских работ (Н.Макарова, И.Челинцева, А.Чаянова, М.Феноменова, К.Большакова и проч.) о природе и эволюции крестьянского хозяйства. В них опровергался марксистский взгляд на крестьянский двор как на зачаток классового неравенства, источник первоначального накопления и зарождения частнособственнических отношений в обществе. Взамен утверждалось, что эволюция крестьянского хозяйства представляет собой эволюцию биологическую, а не экономико-политическую, иначе говоря, относящуюся к области естествознания и потому требующую, в первую очередь, исследований истории взаимоотношения человека как представителя животного мира с землей как местом своего обитания. В перспективе биологической концепции семья представлялась подобием улья или муравейника, по отношению к которым не мыслимы классовые определения: не земля (хозяйство) исторически приспособливалась к человеку, а человек к земле.

Главную роль в организации хозяйства играла семья, количество детей, число работоспособных мужчин – они, в конечном счете, определяют результаты хозяйствования. И хотя теория Чаянова получила разгромную большевистскую критику, мысль о том, что бобыль (в толковании В.Даля означающий, в числе других явлений, бесхозяйственного пролетария, кочевника), не создавший семьи или не родивший сыновей, и потому разоривший свое хозяйство, может более других

удовлетворять запросам пролетарского строительства, была очевидна ее идеологам. Семья, по мысли Троцкого, раздробляла самый революционный класс на автономные клеточки. В ней закреплялись собственнические бытовые традиции, с которыми не могли тягаться ни перемены государственной власти, ни даже перемены экономического строя. Все это, разумеется, влияет на семью, но лишь извне, косвенно, не затрагивая непосредственно унаследованных от прошлого бытовых ее форм, – сетовал Троцкий. А в этих формах, по словам Троцкого, в русских традиционных взглядах, понятиях и привычках было много «поистине дремучего».

Коренное преобразование семьи и вообще повседневного уклада жизни требовало высокосоциальных усилий со стороны рабочего класса по всей его толще и предполагало в нем самом могущественную молекулярную работу внутреннего культурного подъема. Тут нужно глубоким плугом поднять тяжелые пласты. И потому разрушение бытового церковного уклада следовало проводить не только в масштабах собственнической прослойки духовенства и самого института церкви, но на клеточном уровне: необходимо было разрушить институт патриархальной семьи.

Начало было положено в 1918 году принятием нового, советского брачного Кодекса. Тогда впервые были установлены новые принципы брачного права, отразившие главную цель советского законодательства – уничтожение церковного брака. Она нашла свое юридическое решение в 52-ой статье: «Только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в органе ЗАГС, порождает права и обязанности супругов, изложенные в кодексе» [16, с. 5]. Зарегистрированный церковью брачный союз в правовом смысле приравнивался к сожительству. Вместе с отменой юридического права церковного брака было отвергнуто и таинственное его понимание – его высокая «легенда». Чинопоследование венчания представляло брак подобием духовного союза и взаимной верности до смерти Христа-Бога и Церкви ради создания вечной небесно-земной семьи, ради вечного небесно-земного отечества для ее детей.

Однако запрет на церковный брак как первый шаг на пути культурничества не принес ожидаемых результатов. Власть убедилась, что трудно каким-нибудь единовременным юридическим скачком перевернуть быт. Начавшийся в 1923 году второй этап нэпа был не столько углублением или развитием предыдущего, сколько, по словам М.Н.Покровского, периодом возвращения к плановому социалистическому хозяйству и ограничением нэпа пределами «абсолютно необходимого» [17, с. 19]. Ослабление политического влияния Троцкого поэтому не могло изменить основного курса эпохи борьбы за новый быт. Сменивший в 1924 году Троцкого в управлении идеологией Бухарин продолжил начатый им культурнический поход.

Программа Бухарина в отношении крестьянства отличалась от «казарменного коммунизма» и «темпов» строительства индустриального общества Троцкого только в тактике. По мнению Бухарина, высказанному им в самый либеральный для нэпа, 1925 год, задачи обогащать крестьянское хозяйство или помогать ему экономически укрепляться в конечные цели диктатуры

пролетариата не входят. Процесс «разбуржуазивания» мелкого собственника, который из-за обогащения «всасывается» в сферу буржуазно-капиталистических интересов, смычка с городским пролетариатом, завоевание крестьянина под руководство пролетариата и разрушение капиталистического режима могут происходить только в условиях социальной катастрофы, в условиях истребительных мировых войн, голода и обнищания. «Так массовая сила раздробленных мелких производителей может стать – и станет – под руководством пролетариата великой освободительной силой нашего времени. Пролетарская всемирная революция сочетается с “крестьянской войной”» [1, с. 16-17]. В 1928 год, год заката Бухарина как политика, он не лукавил, утверждая, что всегда был далек от тех, которые скорбят и хнычут по поводу форсированного наступления на кулачество.

Политическая установка Бухарина на «смычку» города и деревни, ставшая в середине двадцатых годов официальной доктриной партии, строилась на идее, что борьба пролетариата и буржуазии за «душу крестьянского населения» началась во всемирном масштабе, и к крестьянству, составляющему в мире подавляющее большинство населения, на этом этапе надо отнестись не с презрением и пренебрежением, а «серьезно, с любовью». С такими настроениями Бухарин принял на себя в апреле 1924 года (помимо газеты «Правда», редакцию которой он возглавлял с декабря 1917 года и в течение следующих двенадцати лет) руководство органом ЦК партии, журналом «Большевик». Он стал фактическим правителем обширной империи партийной печати и пропаганды. Местная печать получала установки непосредственно от «Правды». По словам Каменева, Бухарин получил фактическую монополию на политико-литературное представительство в партии и на всю политико-просветительскую работу.

Коминтерн, рабселькорское и молодежное движение стали заповедными сферами его деятельности. Перед молодежью, разъезжавшейся на отдых по провинциальным городам и селам, он ставил «модную» в те годы «краеведческую» задачу: исследовать местные земские статистические архивы – изучать «душу» деревни. Хорошо поставленная земская статистика дала, по его словам, партийным теоретикам возможность марксистской обработки данных. На земской статистике была построена статья Ленина «Развитие капитализма в России». Однако, в то время дело обработки архивов попало в руки мелкобуржуазных ученых и дало материал либеральным доктринам Кондратьева и Чаянова и прочих профессоров «русской школы». Зачем нужно окунуться в деревенскую статистику культурно отшлифованной молодежи? Как применить ее данные? Какова будет роль этой культурной силы в деревне? «Эта роль должна быть <...> ролью культуртрегерской. Только обеспечив культурную гегемонию в деревне, будем мы в состоянии обеспечить себе и гегемонию политическую» [2, с. 22].

Нужно направить, писал Бухарин, энергию крестьянства, в особенности крестьянской бедноты и бедняцкой молодежи, по руслу образования всевозможных добровольных кружков, обществ: «Общество друзей многополья», общество «Долой неграмотность», кружки агропропаганды, борьбы с алкоголизмом, борьбы с табаком, общества благоустройства деревни, помощи

кооперации. «Необходимо, чтобы пионерами, застрельщиками, организаторами “коноводами” этого дела и выступили коммунисты, комсомольцы, комвузовцы и другие партвузовцы» [2, с. 23]. Применяя краеведческую терминологию, Бухарин называл эти общества «культурными гнездами». Эти «гнезда» новой культуры должны быть густо рассажены по лицу советской земли: только так можно решить одну из самых головоломных задач нашего строительства. Таково было «краеведение» по Бухарину. Он считал, что годы нэпа как никогда ранее дружелюбно настроили крестьянство к советской власти. Ему всерьез казалось, что в самой жизни появлялось подтверждение теории диктатуры пролетариата как широчайшей демократии.

Это дало Бухарину основания несколько изменить тактику Троцкого в вопросе культурничества, не меняя в его решении стратегических целей. Новое в его краеведческой тактике, после лобовой атаки Троцкого эпохи раннего нэпа, было объявленное им «культуртрегерство». Напомним, что кроме прямого смысла «культурная деятельность» в советской публицистике двадцатых годов этот термин обозначал «порабощение империализмом отсталых народов под видом насаждения среди них европейской культуры». Этого второго смысла куратор Коминтерна не скрывал. Культуртрегерство, писал он, требует «особой находчивости», почти «апостольской» «ловли души» союзника пролетариата через подавление его религиозного душевного расположения: «в деревне в десятки, в сотни, в тысячи раз меньше культурных сил, чем в городе. <...> мы новых людей не сотворим, мы должны работать с тем человеческим материалом, который есть, и <...> основная задача нашей партии в целом заключается не в том, чтобы отвернуться от деревни и сказать: “фу, деревенщина!”, а в том, чтобы бросить все силы, которые имеем в городе, для ее культурного перевоспитания и переделки» [3, с. 59-60]. Для тактики культуртрегерства были взяты на вооружение: хитрость, разведдеятельность, обличительно-разоблачительная антирелигиозная пропаганда, вовлечение в массовые организации – всем этим приемам надо было научить каждого мало-мальски грамотного человека. Таким человеком являлся малограмотный рабкор или селькор: «Им придется подготавливать себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле», – писал Бухарин [2, с. 10-11]. Однако при «ловле душ» не следовало потакать «предрассудкам и отсталости масс. <...> И в разговорах, и на собраниях, и в газете он должен иметь свою, антирелигиозную линию» [2, с. 9].

И все же, должных успехов эпоха культурничества не принесла. В середине двадцатых годов пролетариат по-прежнему был единственным до конца революционным классом в СССР, который «остался жить как одинокое рабочее государство в крестьянской стране» [10, с.3]. Опасность растворения пролетарского сознания в архаическом патриархальном сознании, угроза измельчания классовых ценностей в ловушке семейного быта существовали по-прежнему. Они лишь усилились в декабре 1925 года после XIV съезда, взявшего курс на индустриализацию страны. Прогресс отныне связывался не только с задачей быстро догнать западноевропейские страны в их положительных сторонах технического развития и цивилизации, но, в первую очередь, с преодолением косности крестьянства – количественно главной производительной силы страны в общественно-историческом движении к социализму. В 1925 году на повестке дня

по-прежнему стояла задача уничтожения главного звена национального сознания – памяти о духовном смысле семейных отношений. Предложенный в том же году новый проект брачного кодекса имел в виду эту цель и был построен «на полном признании свободных супружеских отношений, не стесненных условностями буржуазного строя» [16, с. 5].

Юридически свобода достигалась благодаря вызвавшей бурное обсуждение 2-й статье: «Лица, фактически состоящие в брачных отношениях, не зарегистрированных в законном порядке, вправе во всякое время оформить свои отношения путем регистрации с указанием срока фактической совместной жизни» [23, с. 11]. В сопроводительной записке нарком юстиции разъяснял содержание спорной статьи: «Проект оставляет за официальным оформлением брака значение лишь технического средства удостоверения определенного факта» и производит «уравнение материальных прав и обязанностей, вытекающих из брачных отношений независимо от их регистрации» [11, с. 2].

С принятием кодекса, как утверждал, ссылаясь на В.И.Ленина, нарком юстиции Д.И.Курский, положение советской женщины приобретет юридические формы, идеальные с точки зрения передовых государств.

Развернувшаяся на сессии и поддержанная в прессе дискуссия обнажила юридически «узкие» места проекта: с принятием нового кодекса страна лишилась бы различия между законным браком и незаконным: «крайне необходимо установление какого-то нормативного определения брака. Отсутствие этого определения совершенно лишает его реальной силы» [18, с. 3].

Отказавшись в 1918 году от признания духовно-нравственных оснований семьи, законодотворцы середины 1920-х гг. вдруг столкнулись с проблемой невозможности точно определить феномен советских брачных отношений. Впрочем, они нашли оправдание. «Многие, очень крупные ученые бились над тем, чтобы определить, что такое брак» [6, с. 263], но даже попытки искусственных не дали результата.

В условиях рыночных отношений нэпа, в ситуации идеологического торжества материализма советское законодательство сознательно искало целе-рациональные механизмы идентификации человека в социальных отношениях и ослабляло ценностно-ориентированные. Законодательство уведомило общество об отсутствии иных оснований брака, кроме условно-договорных. Таким образом, духовно-нравственные основания семьи, обладавшие в церковном определении свойством экстраполяции на общество в целом и самый космос, определением ВЦИК свелись к «хозяйственно-трудовому институту».

В обсуждении проекта конфликт бытовых традиций деревни и деклассированного города стал очевиден: «Мы имеем два быта – деревенский и городской. В городе – новый, нарождающийся коммунистический быт, который не всегда укладывается в рамки регистрации», а «для

крестьянина брак является вопросом <...> чрезвычайно жизненным, – он пойдет в церковь потому, что церковный брак будет удовлетворять его со всех сторон» [6, с. 273, 242].

Выступавшие на сессии деревенские жители свидетельствовали, что новые законы о браке нацелены на фактическое разрушение семьи крестьянской: «Я, товарищи, из темной деревни, из далекого захолустья. Там тоже этот проект не нравится. Там кажется, что этот закон вносит разорение в семью»; «Как крестьянин, я не могу согласиться с этим Кодексом, – не могу согласиться с тем порядком, который он устанавливает для развода. <...> Когда крестьянку вместе с детьми бросают, она готова на все: она может и себя погубить, и погубить своих детей» [6, с. 272, 283].

Проект был принят за основу. Председатель ВЦИК М.И.Калинин счел необходимым объяснить, почему к обсуждению на высшем властном уровне был представлен закон, столь сильно разделивший мнение советского общества. Глава государства подчеркнул, что новый кодекс был призван «предвосхитить те новые изменения, которые советский строй внес в отношении семьи, в отношении брака и в отношении воспитания детей». Острота критики проекта объяснялась консервативностью быта народа, несущего отпечаток «старых экономических отношений» в виде «целого ряда народных обычаев, идеологии и т.п.». Наконец, кодекс был призван сдвинуть борьбу за новый быт и культурничество с «мертвой точки»: «У нас до сих пор было очень много декларированного, но по существу, разумеется, мы еще и не прикоснулись к изменению быта» [6, с. 604].

Так говорил Председатель СНК в 1925 году. К 1927 году ситуация изменилась. Указывая на итоги десятилетнего социалистического строительства, писатель Серафимович на встрече с читателями заметил: «До настоящего времени перед пролетариатом стоял вопрос так: возьмет ли он власть в свои руки и удержит ли ее? Теперь встают другие вопросы: социалистическое строительство и перестройка быта. Без последнего невозможно настоящее социалистическое строительство. <...> Вопросы быта, в основном, сводятся к следующим: о семье – распад ее, пропадает она или нет...» [15, с. 1].

В годовщину Советской власти победа пролетариата сомнений у Серафимовича уже не вызывала, но вопрос о «быте» им ставился иначе, чем его ставил Троцкий в 1923 году. Литература, как один из социальных документов времени, свидетельствовала о набравшем скорость распаде семейных отношений в городе. Можно было говорить о достигнутом серьезном успехе. Однако «густо заросший жизнью» (А.Платонова «Сокровенный человек») непрофессиональный читатель усомнился в достоверности этих свидетельств по отношению к крестьянской семье: «Возьмите любую женщину в деревне. У нее двое человек детей <...> она верит в бога. У нее много переживаний и вдруг эта женщина делается <...> общественницей, прощается с мужем, махает ему рукой и вышла в люди. Такой подход к женщине в литературе невозможен, женщина не может делать таких прыжков» (из выступления тов. Богданова, фабрика

«Трехгорная мануфактура») [15, с. 7]. «Непонятно, в чем современность “Виринеи”? В том, что она ушла от Василия? Ее и крестьянкой назвать нельзя. Она слишком поддавалась влиянию города. Даша из “Цементы” разве женщина? Непонятна ее встреча с Глебом, ее отношение к нему. <...> И мать она негодная, так легко отдает ребенка на гибель» (из выступления тов. Филипповой, 8-я типография) [15, с.4]. Рабочие, представители той аудитории, на которую нацеливался разрушительный пафос «городского» производственного романа, не поверили главным героям Гладкова, так как не поняли логики их поступков, устремлений и желаний: «Биографии нет, а раз ее нет, то нет и понимания» [8, с. 119].

Простой читатель – рабочий или крестьянин со своим книжным знанием жизни – не мог поверить в «животные прыжки» (выражение одного из выступавших на встрече с читателями, В.В.Богданова) героев современной литературы. Только человек, лишившийся своей биографии, мог так легко и бесповоротно рвать с прошлым, начинать с чистого листа новую жизнь – делать то, чего требовала от него эпоха культурничества.

Уже не столько семья и быт, сколько «опорные пункты» биографии, как личной истории, – время и место рождения, выступили главным врагом социалистического строительства. Ее данные были тормозом в перестройке бытовых отношений. На нее был направлен обличительный пафос «Злых заметок» Бухарина, которыми открылся партийный, юбилейный для советской власти, год. Бессильная злость заметок была вызвана неумещающейся популярностью творчества Сергея Есенина, собиравшего – даже посмертно – огромную читательскую аудиторию, и породившего мощную поэтическую традицию. Но трагический исход его жизни были следствием его биографии, в ней корень «есенинщины»: выходцу из русской деревни, выбившемуся в люди, в «ухаря-купца», мужичку, «всеми своими эмоциональными корнями сосавшему совсем другие соки из окружающей жизни» [5, с. 205], оказалась не по плечу социалистическая, пролетарская современность. Бухарина пугала мысль о близости основных вех есенинской биографии восьмидесяти двум процентам населения России.

Борьба с «биографическим хронотопом» как формой исторической памяти велась на протяжении всех 1920-х годов и в области гуманитарной научной мысли – методологии литературоведения, и в исторической науке, и в политико-экономическом строительстве. Из сферы «истории» – хронологии, она была перенесена в «географию»: если началом нового советского летоисчисления составители советских календарей считали день 7 ноября, а годом рождения любого советского человека – 1917 год, то сложнее обстояло дело с местом рождения граждан социалистической отчизны. Географическая номенклатура и экономико-политический статус городов и весей России, их исторический природно-географический и архитектурный ландшафт были зримым воплощением российской многовековой истории, ежеминутным, неотвратимым и назойливым ее напоминанием. Это «голос трубный» (Н.Заболоцкий, «Офорт») этиологической легенды местности, это «колокольный звон» его исторического предания, – это все то, что называлось «культурой» и что было глубоко враждебно новой идеологии. Порожденная

повседневной жизнью местной общины, она отражала ее бытовой уклад и его духовное содержание – верования и ценности, все то, что могло интересовать лишь интеллигентов – «племя археологов, гробокопателей», по определению М.Левидова (ЛЕФ), и что надлежало вытеснить ценностями пролетарской науки и техники. «Революция в отношении духовного быта есть организованное упрощение культуры. <...> Это упрощение есть величайшее завоевание, подлинный прогресс» [12, с. 307].

И, по слову Маяковского, «то, что годилось для царских Петербургов», было вырвано «с корнем из красных Ленинградов». В переезде советского правительства и переносе столичных функций из Петрограда в Москву правильно видеть следствия военного времени и давление политико-экономических обстоятельств. В то же время, как свидетельствует литературовед, влиятельный партийный критик и общественный деятель 1920-1930-х годов В.Я.Кирпотин, за этим событием стоял идеологически выверенный замысел. «Древнее наименование “Москва” зазвучит на весь мир по-новому, как призыв, как синоним победившей революции, как точка притяжения революционных масс всего земного шара. Не под воздействием исторической минуты, а по существенным и органическим причинам советское правительство перенесло свою столицу в Москву. Кончился “императорский”, “петербургский” период русской истории, началась эра социализма, и сердцем и разумом ее стала Москва» [9, с. 290].

V. Социалистическая революция: история или география?..

Смена имени уничтожала память о причинах и обстоятельствах возникновения поселения, о его основании и основателе, вместе с именем забывалась и предреволюционная, «земская» биография жителей. Горько отозвавшись в сознании современников, Россия в 1923 году потеряла свое «крестное имя» (А.Платонов «Война»). Оно превратилось в аббревиатуру СССР (В.Маяковский «Хорошо!»); утратили *genius loci* исторический Петрополь, став Ленинградом, Екатеринбург, став Красноярском, Царицын – Сталинградом, Ново-Николаевск – Новосибирском, Троице-Сергиев Посад – Загорском, Детское Село – Пушкиным и проч.

Кроме смены исторического названия подвергся изменению политико-экономический статус ряда городов, что привело к колоссальным политическим, демографическим и экономическим последствиям. История жизни российских местностей в двадцатые годы есть история почти ежегодных районирований. По замыслу Госплана, районирование играло в построении коммунистического общества важную роль: районирование – это «естественное продолжение нашей экономической политики в вопросах наиболее целесообразного сочетания производительных сил (на основе их энергетической реконструкции) и наиболее верной гарантии их обобществленной формы развития на пути нашего продвижения к социализму совместно с основной массой трудящегося крестьянства» [7, с. 122].

Решением Совнаркома от 24 декабря 1917 года «Об организации местного самоуправления» страна должна была покрыться сетью советских организаций, находящихся в тесной зависимости

друг от друга, для создания единого организма Республики Советов. Для руководства советами из центра в отдаленные уезды назначались комиссары, и вслед за этим происходило перераспределение административных функций между отдельными пунктами губерний и уездов – вообще изменение административных границ.

«Со станции иногда доносился гул эшелонов. Гремели чайники, и странными голосами говорили люди, как чужие племена.

– Кочуют! – прислушивался Захар Павлович. – До чего-нибудь докочуются».

«Кочевник» в размышлениях героя романа А.Платонова «Чевенгур» имеет широкую смысловую перспективу, однако, ближайшее его значение отсылает к местнографической реальности южных областей России начала двадцатых годов. «Кочевниками» местные жители называли пришлых руководителей, каждые три месяца присылаемых Москвой для укрепления органов местной власти: «Этим кочевникам <...>, которые бросили свои хозяйствышки, которые у них на глазах граждан разваливаются и разрушаются, и хотят чтобы нас довести до этого, сами служат для того, чтобы по франтовски нарядиться и баста. <...> И не подумайте, что они добиваются практики. Нет, они нисколько не заинтересованы, чтобы наше село богатело, потому что они нам, а мы им чужды. <...> Сделайте непосредственное распоряжение по всем селам хуторам <...>, чтобы все эти перебежчики комиссары кочевники возвратились по своим селам и хуторам <...>. И если они хороши и не потеряли доверие народа, их всегда примут на должность а если не годные, <...> пусть поработаются рядом с мужиками, а то они стали уже отвыкать от работы, и как сознательные культурники покажут нам на опыте. А то на словах они ловко научились говорить. Этого мало, нам надо на деле показать» [13, с. 73-74].

Решение, какие из провинциальных центров считать крупными, деятельными и влиятельными, в какие из них перемещать административный центр, принимались центральной властью с подачи «кочевников».

В декабре 1919 года на XVIII Всероссийской конференции РКП (б) было принято решение о разработке нового административно-хозяйственного деления. Что и было выполнено постановлением ВЦИК «Об областных изменениях». У районирования на этом этапе главной задачей было быстрое и неуклонное проведение в жизнь «всех предначертаний центральной советской власти». В 1921 году было решено произвести районирование на основе экономического тяготения областей друг к другу. В 1922 году было сокращено число губерний путем объединения соседних, связанных удобными путями сообщения. После образования СССР, в 1923 году, Госплан предложил заменить старые губернии огромными советскими экономическими областями, разделенными последовательно на округа, районы и сельсоветы. В основе деления лежали задачи развития отраслей экономики, как ее понимали в Госплане.

Взгляд писателя-краеведа замечал в стратегии Госплана опасность умозрительности и абстракции при составлении «карты» развития нового общества. Об опасности «кабинетной

отвлеченности» и общих масштабов Москвы в один голос говорили и ученые ЦБК. Так, участник краеведческого движения двадцатых годов историк М.Я.Феноменов писал: «Общие представления должны базироваться на <...> конкретном материале, иначе в них, в сущности, не будет никакого содержания. Это будут бледные отвлеченные схемы, далекие от действительности. <...> Современная история есть по преимуществу история культуры и быта» [31, с. 300]. В.П.Семенов-Тянь-Шанский напоминал об опасности целостных масштабов для планирования судеб частных Макаров без учетов «мелкого» местного масштаба географической карты. О нежизненности законов, составленных юристами центральной Москвы без учета местного «мужицкого» права, предупреждал Троцкого Н.Н.Павлов-Сильванский. Краеведам-ученым вторили краеведы-беллетристы.

Ирония Пришвина над однонаправленностью «изучения старого быта» деревни Костино чиновниками Госплана: «Невозможно себе представить, чтобы сельский совет деревни Костино командировал меня в Госплан для этнологического исследования лиц, составляющих это учреждение, и вручил бы мне мандат с правом составить тройку внутри Госплана для антропологического измерения черепов государственных людей. Наоборот, вполне возможно, и это уже совершившийся факт, мандат об исследовательской работе в Костине от Госплана лежит у меня на столе. Я могу войти в хижину кустика для исследования, ко мне войти местный человек не может» [21, с. 93].

Эта ирония дополняется насмешкой А.Платонова («Город Градов») над односторонностью краеведческих данных официального циркуляра (распоряжения, рассылаемого как директива подведомственным учреждениям и лицам) по картографии градовских пригородов. Согласно распоряжению властей, отразившемуся в школьном учебнике по «Градоведению», у жителей Градова отсутствуют летние проблемы с орошением. Однако официально признанное научное знание противоречит даже детскому житейскому опыту: «Проезжий ученый говорил властям, что Градов лежит на приречной террасе, о чем и был издан циркуляр для сведения. Город орошала речка Жмаевка – так учили детей в школе первой ступени. Но летом на улицах было сухо, и дети не видели, что Жмаевка орошает Градов, и не понимали урока». Как во времена колонизаторского освоения земель российских в веке XVIII-ом, «местнография» Госплана исполняла властные цели Москвы. Как тогда, так и теперь они служили целям производственным, изучение местных производительных сил – для их хищнического использования; и политическим – ради культурной смычки властного центра с провинцией с последующим полным ее подчинением центральной власти. Даже пришвинские исследования, по признанию самого писателя, формально были выполнением властного распоряжения: «Было высказано скромное желание оживить общественную жизнь вопросами быта, и по всему литературному фронту пошло: Троцкий сказал, Троцкий сказал...» [21, с. 228].

Но в своей сущности пришвинский цикл был исполнен глубоко прочувствованного и выстраданного протеста писателя против «социального заказа» отражать быт, чтобы его

изменять: «Как можно воздействовать на быт, не познавая его во всей конкретности? <...> Нам до зарезу необходимо отражение жизни и быта трудящихся» [22, с. 66]. Конкретный адрес заказа особенно ясен теперь, когда публикуются дневники писателя тех лет: «Творческий процесс, являющийся в моральном сознании борьбой добра и зла, в моем сознании является как борьба хозяина линий прямых и линий кривых.<...> А, между тем, успех всякого творчества является исключительно вопросом мирных добрососедских отношений между этими двумя хозяевами. Теперь это уже и официально признано: смычка города и деревни есть ничто иное, как смычка городских линий прямых с деревенскими кривыми.

Вот я и думаю, что конференция плохо удавалась именно потому, что хозяин линий прямых, Москва, несколько подавлял хозяина линий кривых – провинцию. Вы скоро увидите, когда будет изготовлена фотография, снятая с конференции, что центральным лицом на ней является тов. Егоров, представитель в Госплане наркома внутренних дел. Этот замечательно активный человек, вышедший по всей вероятности из трудящихся, прежде чем взяться за такое огромное дело, как плановая организация центрального района, сначала основательно поработал над плановым хозяйством в своем родном Егорьевске. Стоит зайти в Областной музей (М. Грузинская, 15), чтобы посмотреть, какое чудо картографии представляет собой экономическая карта родного тов. Егорову уезда Егорьевского. Я вполне соглашаюсь с тов. Егоровым, назвавшим свое дело “революцией в области картографии”, но я выскажу здесь и свое отдельное мнение, что революция в области картографии только при том условии является революцией, если карта, план находятся хоть в каком-нибудь живом взаимодействии с действительностью.<...> Воистину, это был язык, показанный жизнью хозяину прямолинейных планов» [20, с. 231-232].

Невольно возникает вопрос, читал ли Платонов Пришвина, когда писал «Город Градов»: «Шмаков задремал от плавного хода поезда и сбился с рассказа странника. Увидев во сне кошмарное видение, что рельсы лежат не на земле, а на диаграмме и означают пунктир, то есть косвенное подчинение».

Сон кочевника Шмакова, посланного Москвой в провинцию с четким заданием – вразить в губернские дела и освежить их здравым смыслом, окажется вещим.

Вросший в губернский быт Шмаков обнаружит его парадоксальную логичность. Чудачества местного общегития окажутся объяснимыми жизнью градовских статистов из спектакля новой великой государственной истории. Ему предстоит полюбить и пожалеть этих людей, оправдать их, убедиться в том, что градовские дети неслучайно не понимают школьной географии. Наконец, он умрет от огорчения, увидев, что в генеральном плане строительства новой России губернскому городу уготовано косвенное подчинение центральной власти. Градов-город уравнивают с селом. Но еще раньше с сердечным чувством земляка он ужаснется будущему в своем пророческом «топографическом» сне.

Подобно Шмакову, только наяву, ужаснется революции в топографии, произведенной представителем в Госплане наркома внутренних дел тов. Егоровым, краевед Пришвин.

Районирование действительно обладало чудотворной для экономики краев и областей способностью возродить или физически уничтожить древнее поселение. Изменение экономико-политического статуса местности могло привести к тому, что рожденный в губернском городе мог, не покидая родного угла, оказаться жителем села или уездного городка. Так произошло с жителями ряда городов Центральной Черноземной области (Задонска и Тамбова), Сибири (Тобольска) и проч. Районирование и смена номенклатуры меняли внешний облик поселения, но, что еще существеннее, они меняли его биографию, его историческое предназначение, его душу и в случае потери прежнего политико-экономического статуса, и в случае его повышения. Так, превращение города в политический центр области или края не означало сохранения ни его исторической души, ни исторического облика, ни культурных традиций – оно вело к их уничтожению, подчинению всех общественных интересов задачам социалистического строительства в подчиненном районе.

В журнале «Краеведение» за 1924 год в обзоре А.Турунова, посвященного краеведению Сибири, помимо очерка проделанной сибиряками научно-собираательской и культурно-просветительской работы, дано и описание социально-экономического состояния тех местностей, где она велась: «Тобольск – прежде губернский город, сейчас, с перенесением губернских учреждений в Тюмень, превратился в глухую провинцию. Вдали от железнодорожной линии, уже давно он перестал быть бойким хозяйственным центром. <...> Томск, считавшийся крупным культурным центром (благодаря ряду высших учебных заведений, единственных в Сибири: Университету, Технологическому Институту, Высшим Женским курсам), последние годы резко изменил свой облик. Причин тому много. Открытие второго университета в Иркутске, отвлекшего к себе часть научных сил и студенчества, отъезд в столицы и за границу многих профессоров, свертывание нескольких факультетов, общий отлив интеллигенции из провинции, все это не могло не отразиться на культурной жизни города. Посетивший сейчас Томск может наблюдать картины жизни глухого сибирского уголка, во много напоминающие время до проведения железнодорожной колеи. (Кстати сказать, главная магистраль прошла вдали от Томска, оставив город в стороне, чем значительно видоизменила его хозяйственную роль). <...> В Ново-Николаевске, являющемся в настоящее время крупным административным центром (как резиденция Сибирского революционного комитета) имеется Общество Любителей мировидения, в ведении которого находится метеорологическая и биологическая станции. (Городской музей не носит характера музея местного края). Культурная жизнь, однако, не замирает. <...> Здесь издаются 3 большие журнала. <...> На страницах этих журналов можно встретить порой статьи некоторых сибиреведов. Необходимо отметить издание Сибревкомом обширного сборника (572 стр. больш. формата) “Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири” 1922-1923 гг., где можно видеть хозяйственное строительство областей» [30, с. 304, 307].

В задачах районирования, поставленных центром, просматривались общегосударственные «целостные масштабы», забота о которых более всего волновала руководство страны, и не находилось места частным (Л.Авербах «О целостных масштабах и частных Макарах» – критика рассказа А.Платонова «Усомнившийся Макар») интересам местного населения, о необходимости учета которых твердили краеведы. С точки зрения краеведов – писателей, историков, географов, экономистов – поселение является самостоятельной безусловной ценностью как место жительства человеческой общины. Хотя поселение под влиянием групповых или индивидуальных интересов далеко не всегда формируется так, как нужно общине, тем не менее, оно должно формироваться именно таким образом.

Интересы общины проявляются в его экономических, административных, политических, культурно-просветительных и иных узлах с другими поселениями, образующими систему, и требуют для их поддержания более или менее постоянное и частое общение. Поэтому градостроитель должен учесть частоту и постоянство общения населения, усовершенствовать или упразднить, исходя из этого, пути сообщения. Ему надо изучить ближайшие поселения к городу, торговлю и промышленность, полезные ископаемые, значение дорог, пристаней, складов, портов. Население местности выдвигалось краеведами на роль основополагающего факта социально-экономического строительства: «Оно есть причина города и происходящих в нем явлений». Но реальность послереволюционного строительства обнаружила, что «о городах у нас имеются только самые общие сведения, как будто города являются на самом деле точками или кружочками, какими они изображаются на картах небольшого масштаба. <...> Для небольших же населенных пунктов даже общие данные чрезвычайно скудны». Более того, «материалы, собиравшиеся органами государственной статистики, разрабатывались по программам центра, которых интересовали лишь общие сведения о населенных пунктах...», и потому они не могут быть использованы на практике.

Краеведы предупреждали, что «градоустройство и благоустройство поселений настолько близко и непосредственно затрагивает интересы масс населения, настолько же часто может входить в коллизию с частными интересами граждан, с их привычками, с их миропониманием. Что уже по одному этому, <...> необходимо <...> сознательное и доброжелательное соучастие населения в проведении намеченных мер. Но, разумеется, не только поэтому, а главным образом потому, что <...> жизнь свою устраивать должна сама община, само население...» [14, с. 214-218].

Решение о проведении в 1926 году Всероссийской переписи населения дало краеведам надежду на то, что через их непосредственное участие, через статистическую работу в рамках переписи можно будет донести до центра местные проблемы и потребности. Реальное положение дел на местах могут дать сухие цифры, если они будут собраны точно. На VI сессии ЦБК 10–12 января 1926 года в Москве В.П.Семенов-Тянь-Шанский указал, что смысл переписи состоит в детальном учете распределения населения по территории. Еще ранее, в 1924 в статье «Краеведение и предстоящая перепись населения» он напоминал, что успех такого учета находится в прямой

зависимости от предварительного основательного знакомства с той территорией, которая охвачена народоисчислением. Если отправиться туда без проводника, знающего в ней все тропы, то переписчик наверняка собьется с пути. Кто же является проводником и компасом при производстве переписи? Никто иной, как местный краевед. Последняя всеобщая перепись населения России была произведена в 1897 году, писал ученый. Ее успех был обусловлен более всего тем, что проводниками-краеведами переписи на местах были для Европейской России земские статистики, а для Сибири – политические ссыльные.

Семенов-Тянь-Шанский не изменил своему убеждению, что главным инструментом успешного хозяйственного строительства является легенда правильно составленной топографической карты российских местностей: перепись не будет успешной, не будет иметь хозяйственно-политической ценности, если она не будет опираться на список населенных мест. «Когда я в 1897 г. составил проект списков населенных мест, то его постигла <...> неудача. Ведомство внутренних дел усмотрело препятствие в том, что все населенные пункты надо располагать по волостям, а волости-де учреждение чисто крестьянское, и помещичьи усадьбы должны быть от них экстерриториальны. На этом дело сорвалось». Со списков населенных мест следует начинать перепись, ими же следует ее завершить: «Списки населенных мест есть первый и важнейший непосредственный результат переписи, в особенности в СССР, где административные границы меняются чуть не дважды в год, так что цифры, втиснутые в них, устаревают необычайно быстро и несравнимо со следующими. Если не будет списков населенных мест, то в сущности и перепись производить совершенно не имеет смысла» [26, с. 365-368].

Однако объем и «целостные» географические масштабы целей пролетарской диктатуры настолько превосходили районные границы земских «частных» интересов, что чаяния и надежды краеведов, подменявших новорожденную историю мирового рабочего класса местной географией, смотревших на общественную жизнь из крестьянских окошек, были обречены на забвение.

* Продолжение. Начало в № 4 за 2013 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бухарин Н.И. Значение аграрно-крестьянской проблемы /Большевик. – 1925. – № 3–4.
- [2] Бухарин Н. О некоторых задачах нашей работы в деревне // Большевик. – 1924. – № 7.
- [3] Бухарин Н. Рабкор и селькор. Статьи и речи. – М.: Госиздат, 1926.
- [4] Бухарин Н. Экономика переходного периода. – М.: Госиздат, 1920.
- [5] Бухарин Н. Этюды. [Репринтное воспроизведение издания 1932 г.] – М.: Книга, 1988. – С. 205.

- [6] Вторая сессия ВЦИК XII созыва. Стеногр. отчет. – М., 1925.
- [7] *Гольман. М.* Сменовеховские иллюзии (По поводу «Основ хозяйственного районирования СССР», проф. И.Г. Александрова) // *Большевик*. – 1925. – № 5–6.
- [8] *Добренко Е.* Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб.: Академический проект. 1997.
- [9] *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. – М.: Захаров, 2006.
- [10] *Ксенофонт Ф.* Крестьянский вопрос в свете стратегии и тактики РКП (б) // *Правда*. –1925. – 9 апр. № 91 (3012).
- [11] *Курский Д.* Брак, семья и опека // *Известия*. –1925. 1 окт. – № 224 (2557).
- [12] *Левидов М.* Организованное упрощение культуры // *Красная новь*. – 1923. – №1.
- [13] *Лившин А. Я., Орлов И.Б.* Власть и общество: диалог в письмах. – М.: РОССПЭН, 2002.
- [14] *Миронов П.* Краеведение в вопросах градоустройства // *Краеведение*. – 1925. – № 3–4.
- [15] Отдел Рукописей ИМЛИ. Ф. 157. Оп.1. Ед. хр. 319. Л. 1. Там же. Ед. хр. 318. Л. 7. Там же. Ед. хр. 319. Л. 4.
- [16] Перед II сессией ВЦИК. Кодекс законов о браке, семье и опеке // *Известия*. –1925. – 11 сент. № 207 (2540).
- [17] *Покровский М.* Советская глава нашей истории // *Большевик*. – 1924. – № 14.
- [18] *Правда*. –1925. – 18 окт. – № 239 (3170).
- [20] *Пришвин М.* Голубиная книга. // *Красная новь*. – 1924. – № 1.
- [21] *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. – М.: Русская книга, 1999.
- [22] *Пришвин М.* Хозяин прямых линий. // *Красная новь*. – 1924. – № 1.
- [23] Проект Кодекса законов о браке семье и опеке с объяснительной запиской Народного комиссара юстиции Д.И. Курского. – М., 1925.
- [24] *Рейснер М.* Старое и новое. (Из писем о культуре) // *Красная новь*. – 1922. – № 2.
- [25] [Рецензия на книгу] И. Сталин. О Ленине и ленинизме. М. 1924 г. // *Большевик*. – 1924. – № 9.

- [26] Семенов-Тянь-Шанский В.П. Краеведение и предстоящая перепись населения // Краеведение. – 1924. – № 4.
- [27] Троцкий Л.Б. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. – М.: Красная новь. 1923.
- [28] Троцкий Л.Д. Вопросы культурной работы. – М., 1924.
- [29] Троцкий Л.Б. Задачи коммунистического воспитания. Речь на пятилетнем юбилее Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова. – М.: Красная новь. 1923.
- [30] Турунов А. Краеведение Сибири // Краеведение. – 1924. – № 3.
- [31] Феноменов М.Я. Значение монографического изучения деревни // Краеведение. – 1926. – №3.

© Московская Д.С., 2013.

Статья поступила в редакцию 7 октября 2013 г.

Московская Дарья Сергеевна,

доктор филологических наук,

заведующий отделом рукописей, Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН (Москва),

e-mail: darya-mos@yandex.ru

UDC 82.091

Moskovskaya D.

**ABOUT RUSSIAN LITERATURE AND REGIONAL STUDIES
AT THE TIME OF THE NEW ECONOMIC POLICY (Part 2)**

Abstract. The article discusses the turning point of the post-revolutionary Russian history, when the class struggle enters the area of ideology, when the government seeks to physically destroy the historical memory, embodied in the traditional zoning, local place names, architecture. The article traces the themes and issues of coincidence history research of the time and literary scenes and images of Andrei Platonov, S.Yesenin, K.Vaginov, B.Pilnyak etc. The article shows that the content of the local history of the 1920s comments view of the world, values, ideological direction of contemporary writers.

Key words: chronotope, cultural landscape, cultural revolution, traditional culture, history of national and local lore, history of Russia in the XX century.

Moskovskaya Daria Sergeyevna,

Doctor of Philology,

Head of the Department of Manuscripts of the Federal State Budget Institution

A.M.Gorky Institute of World Literature (Moscow),

e-mail: darya-mos@yandex.ru